

И. Э. СЕРМАН

Херасков и Курбский

«Россияда» (1779), стоившая Хераскову восьмилетнего напряженного труда, явилась итогом серьезного, продуманного использования данных истории, и в первую очередь литературных и исторических произведений XVI—XVII вв.

Семидесятые годы XVIII в. принесли среди ряда новых для русской литературы веяний (Юнг, мифология скандинавского Севера, Оссиан — пока еще во французских переводах) напряженный интерес к национальной истории. Предпринимается ряд изданий и систематических публикаций документов, летописей, мемуаров.¹

Документальность становится неоспоримым принципом при обращении к историческому материалу. Херасков в «Историческом предисловии» к «Россияде» указывал: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине; сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих...».²

В литературе о Хераскове уже указывались некоторые из печатных «известий», какими пользовался Херасков в работе над «Россиядой». Наиболее обстоятельное исследование этих источников принадлежит Г. Э. Кунцевичу, установившему, что так называемая «Казанская история» — известный литературный памятник 60-х годов XVI в. — послужила Хераскову основным источником материалов для его эпопеи.³ Кунцевич считал также, что Херасков мог пользоваться и некоторыми печатными публикациями летописей и исторических исследований.⁴ Указал Кунцевич и на возможное знакомство Хераскова с сочинениями князя А. М. Курбского.⁵ Херасков выбрал для своей «иронической поэмы» важнейшее, как ему представлялось, событие допричинного периода царствования Грозного, чем и избавил себя от необходимости высказать свое отношение к последующим событиям эпохи: «Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проимянован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются».⁶

¹ См.: С. А. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 15—18.

² М. Херасков. Россияда, ироническая поэма. М., 1779, стр. 4.

³ Г. Э. Кунцевич. «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве». — ЖМНП, 1901, январь, стр. 1—15.

⁴ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен... СПб., 1767; Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича... СПб., 1769; Степенная книга, ч. II. СПб., 1775.

⁵ Г. Э. Кунцевич. «Россияда» Хераскова. — ЖМНП, 1901, ноябрь, стр. 175.

⁶ М. Херасков. Россияда... стр. 3 об.

Выбор этой эпохи в жизни Иоанна, в оценке которой единодушно сходились политики, поэты и историки XVIII в., был сделан Херасковым свободно и сознательно. Казанский поход представлялся ему событием такого рода, в котором с особенной силой и полнотой проявилось единство нации, сплотившейся вокруг царя, под эгидой самодержца, разумно понимающего свои права и обязанности: «Воспевая разрушение Казанского царства, со властью державцев Ордынских, я имею в виду успокоение, славу и торжественную победу *всего российского государства*, знаменитые подвиги не одного государя, но *всего российского воинства* и возвращенное благоденствие не одной особе, но *всему отечеству*, почему сие творение и названо „Россиядой“ (курсив наш, — И. С.)».⁷ Определив пафос поэмы в целом, Херасков формулирует свое отношение к тем, кто, по его мнению, является движущей силой событий: «Представляю младого монарха из мрака слабостей в сияние славы облекшегося... Прославляю совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, его вельможей и всего российского воинства».⁸ Из этих слов поэта видно, что, по его мнению, «верность и любовь к отечеству» князей и вельмож, служивших Иоанну, является тем средостением, без которого невозможно было бы добиться единства нации и победы над Казанским царством.

Насколько совпадала точка зрения Хераскова с общей концепцией его источников? «Казанский летописец» насквозь проникнут идеей прославления самодержавной власти. Инициатива самого похода и благополучного в конце концов его завершения исходит только от царя. Князья или во всем ему покорны и всецело подчиняются, или, в самом крайнем случае, сетуют на трудности похода и советуют увести войска, но и тут Иоанну легко удается преодолеть их сопротивление.⁹ Самый характер отношений между царем и боярами для автора «Казанского летописца» не является проблемой; он считает, что самодержавный порядок, единовластие уже установилось прочно и незыблемо: царь предлагает — бояре одобряют и поддерживают. Никакого обсуждения, никакого раскола мнений среди боярства автор «Казанского летописца» не знает и о нем не говорит.

Между тем для Хераскова в русских сценах и эпизодах «Россияды» отношения между царем и вельможами определяют собой весь ход событий поэмы и представляются поэту самой важной политической проблемой русской истории вообще.¹⁰

В таком отношении к проблеме вельмож, советников царя, его ближайшего окружения, к фактическим вершителям власти русских царей после Петра Херасков — несомненный ученик и продолжатель Сумарокова, в трагедиях которого судьбы царей и царств определяются борьбой добродетельных и злых, коварных советников. Продолжая в этом смысле сумароковскую разработку и художественное изучение политических проблем русского самодержавия как особой политической системы, Херасков обратился к тому древнерусскому автору, у которого он мог найти и любопытную психологическую характеристику будущего героя «Россияды» — Иоанна, и талантливую, хотя и пристрастную оценку значения единства царя с боярами в допричинный период правления Грозного, — к князю Андрею Курбскому и его «Истории великого князя московского». Так, ни в одной из редакций «Казанского летописца» нет речи

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: В. Л. Комарович. Казанский летописец. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 465—466; Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 266—288.

¹⁰ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 197—198.

о Сильвестре и Адашеве и их благотворном влиянии на молодого царя. По Курбскому же, как известно, «перелом» к добропорядочному поведению у Ивана произошел именно под влиянием этих добродетельных советников. Херасков вводит в качестве действующего лица поэмы Адашева, и под влиянием беседы с ним, просветленный духом, Иоани видит разительную перемену в отношении к себе всего народа и воинства:

Любовью видит царь возженные сердца,
Зрит в подданных детей, они — в царе отца.

Казалось, новое он царство приобрел,
Избранной думе быть в чертоге повелел.¹¹

К последней строке Херасков делает примечание: «Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат».¹² Взяв у Курбского термин и слегка его изменив (вместо «рада» — «дума»), Херасков в своей поэме превратил его не столько в современный ему «сенат», сколько в своеобразный дворянско-аристократический парламент, ст мнения которого зависит решение царя.¹³

Ключевой сценой поэмы является обсуждение на избранной думе поставленного Иваном вопроса:

Отважиться ли нам с ордами к трудной брани,
Иль в страхе погребстись и им готовить дани?¹⁴

Речь Курбского на этом заседании избранной думы следует непосредственно за речью князя Ленского, в которой Херасков собрал все, что было для него неприемлемого и в современном ему характере русской самодержавной власти, и в русской истории. Ленский говорит Ивану:

... блюди твой царский сан.
Тебе для выгод он твоих и наших дан.
Тебе ли сетовать, тебе ли, царь, крушиться
И сладкой тишины для подданных лишиться;
Ты бог наш!¹⁵

Повторяя памятную всем тогда ломоносовскую формулу (Петр — бог), Ленский у Хераскова высказывает сервильно-эгоистическую точку зрения на права и обязанности царя, глубоко ненавистную Хераскову, стороннику ограничения царизма фундаментальными законами и дворянским общественным мнением.

Именно Курбский, главный герой Хераскова,¹⁶ высказывает в своей речи самую суть патриотизма и общественного долга в том его понимании, которое было всего ближе автору «Россияды»:

О царь мой! Властен ты мою пролити кровь,
Однако в ней почти к отечеству любовь,
Позволь мне говорить: оставь богатству неги;
Веди ты нам прейти пески, и зной, и снега;
Мы рады с молнией и с громом воевать,

¹¹ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 18.

¹² Там же.

¹³ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, стр. 240—241.

¹⁴ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века, стр. 197. Нам кажется неубедительным утверждение А. Н. Соколова, что «полнее всего свой идеал национального героя Херасков воплощает в образе Ивана Грозного» (см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX веков. Изд. МГУ, 1955, стр. 160).

Имение и жен готовы забывать,
 . . . . .
 Отмстим за прадедов, за сродников несчастных,
 За них отмстим ордам до днесь подвластных.
 . . . . .
 Но если робостью себя мы обесславим
 И наших сил против ордынских не поставим,
 Пойду отсель на край вселенной обитать,
 Любовь к отечеству мне нечем здесь питать,
 Подавлена она и ограждена лестью,
 Чины приобретать хочу единой честью —
 Служить отечеству трудами и мечом;
 О правде я пекусь, а больше ни о чем.¹⁷

Текстуально эта речь не совпадает с сочинениями Курбского, но по существу она представляет собой изложение общественных позиций Курбского так, как понимал их Херасков, почерпнувший это представление из знакомства с «Историей о великом князе московском». Таким образом, в сложную историю восприятия сочинений Курбского следует включить и автора крупнейшей русской эпической поэмы XVIII в.

---

¹⁷ М. Херасков. Россияда... стр. 25.